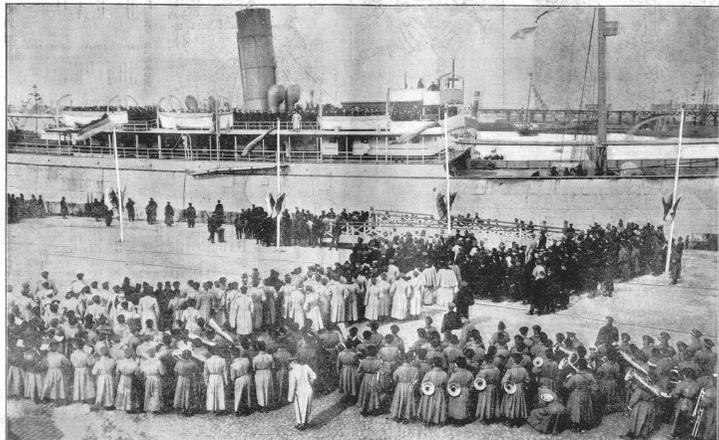

второй листъ къ № 10 1904 г. Суббота, 20-го марта.

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

Прибытіе въ Одессу героевъ „Варяга“ на пароходѣ „Малайя“ 19-го сего марта.

Второй листъ № 64 1903 г. Среда, 9-го марта.

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Членъ Государственнаго совѣта
М. И. ДРАГОМИРОВЪ.

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
Александра Теодоровна
съ Наслѣвникомъ Цесаревичемъ Алексѣемъ Николаевичемъ.

Генералъ штаба генералъ
О. А. МАКШЕВЪ.
Высочайше приказано 27 ноября 1903 г. чинарть-набору О. А. Махшеву назначить главнымъ редакторомъ журнала „Восточная Сбирка“ и газеты „Русскій Искандеръ“ съ возложеніемъ на него должности заслуженнаго ординарнаго профессора Николаевскаго академія генеральнаго штаба.

Душа старой Одессы

К 210-летию Одессы нам предстоит долгожданная встреча с книгой очерков и воспоминаний Александра Михайловича Дерибаса (1856-1937), которые печатались в газете "Одесский листок" и других многочисленных периодических изданиях города после выхода его книги "Старая Одесса" (1913).

Напомним, что А.М. Дерибас был историком, краеведом, библиографом, журналистом и в своих литературных работах сумел живо воскресить историческое прошлое Одессы: ее быт, нравы, обычаи, типы жителей, дать биографии отдельных деятелей. Книгу недаром стали называть "Библией Одессы". Сам автор писал: "Книга о "Старой Одессе" написана мною легко, фельетонно, без всякой системы, без всякой хронологии и без всякой претензии на ее историческое значение. Мне просто хотелось передать другим мои личные переживания, мою личную привязанность к родному городу. И меня, поэтому, не могло не удивить и не порадовать то общее сочувственное отношение, которое встретила моя книга у одесских старожилов. Вышло так, как будто я сказал о старой Одессе то, что многие давно хотели сказать о ней сами, как будто я в своей книге был простым выразителем общего любовного отношения одесситов к своему славному и милому прошлому..."

Интерес к своей истории у нас не угас до сих пор, тем более что в этих очерках сохраняется неповторимая аура любви и ностальгии по ушедшему, и трудно не согласиться с автором, когда он пишет: "...Черпая хорошее из оставшегося еще во мне родника старой Одессы, я проливаю это хорошее в новую жизнь".

Однако если первую книгу Дерибаса можно найти и прочитать (она дважды репринтно переиздавалась за последние десять лет), то последующие материалы были собраны автором и должны были войти во 2-е дополненное издание, которое готовилось в 30-е годы для издательства "Academia". Издание книги не состоялось, рукопись попала в архивы ЦГАЛИ.

Несколько лет назад сотрудники ОГНБ им. М. Горького предприняли подвижническую попытку собрать очерки А.М. Дерибаса по газете "Одесский листок" и другим одесским газетам и журналам, ныне представляющим библиографическую редкость. Многие из этих изданий не доступны сегодня читателям из-за ветхости и изношенности. Удалось собрать более 110 очерков, в которых автор снова возвращается к эпизодам из ранней истории Одессы, ее неповторимому развитию, описывает какие-то новые бытовые особенности города. Много и интересно пишет о театре и актерах — он был всю свою жизнь увлечен этим видом искусства.

Драматичны по своему звучанию очерки Дерибаса, появившиеся после 17-го года. Это документальные свидетельства очень непростой жизни Одессы с постоянно меняющейся властью, с появлением совершенно новых реалий в жизни старой Одессы.

Сегодня мы представляем вашему вниманию отрывки из очерков Дерибаса, написанных в разные годы; в частности, о популярной газете "Одесский листок", в которой он сотрудничал много лет вплоть до ее закрытия в 1919 г., а также очерк "Новый тип читателя", который мы нашли в газете "Станок", выходившей в Одессе в начале 20-х гг.

Татьяна ЩУРОВА

Начало "Одесского листка"

Одесса, основанная в 1794 году, насчитывает всего 117 лет существования, из коих последние сорок лет, т. е. больше одной трети, занимает своей общественной просветительной деятельностью "Одесский листок". Одесса быстро выросла и многое пережила. Но наиболее трудным и сложным периодом ее жизни было именно ее последнее рокалетие.

Сорок лет тому назад, 1873 год. Это первые дни после введения в Одессе великих реформ, нового суда, института мировых судей, нового Городового положения. Это дни зарождения крупных политических организаций, дни хождения интеллигенции в народ, дни раскрепощения науки. Дни, когда в самой Одессе сказался резкий перелом между прошлым и настоящим.

Еще не написана история "средних веков" Одессы. Года тусклые, бесцветные после блестящего первого периода ее жизни. Года уныния после неудач крымской кампании. Года, в которые молниеносно врзался великий манифест 1861 года, после которого наступила во всей России и в Одессе эпоха Возрождения.

Если перенестись мыслью в шестидесятые годы Одессы, то сколь наивными покажутся нам, в сравнении с нынешним временем, прежние одеситы! Не было еще в нашем городе ни гранитных мостовых, ни днестровского водопровода, ни канализации, ни газового освещения. Не было и железной дороги от Одессы до Киева.

Не любопытно ли вспомнить, как толпа одеситов сбегалась со всех сторон города на Приморский бульвар — усеивала всю монументальную лестницу, чтобы присутствовать при маневрировании на Приморской улице первого в Одессе железнодорожного поезда? Когда раздался свист паро-

воза, то все одеситы вздрогнули в каком-то мистическом ужасе.

А годы, когда впервые начал функционировать новый суд! Торжественное открытие первой сессии окружного суда в доме Стембок-Фермора (ныне Диалегмено). Суд, г л а с н ы й суд, публика в суде. Присяжные поверенные Вейнберг, Пасовер, Тиктин. А переполненные любопытствующей публикою камеры мировых судей! Возмущение одесских хозяек тем, что теперь нельзя будет держать в строгости прислугу: сделаешь ей выговор, а она тебя к мировому!

А студенчество! В домашней одежде, с суковатыми палками в руках, в длинных волосах, горячие, волнующиеся! А собрания молодежи, чтение Писарева, Михайловского, Бокля, Щедрина, Дарвина, Спенсера! А нигилисты и нигилистки! Как все это далеко от нас!

Конец шестидесятых годов в Одессе был исполнен общественного подъема. Старая Одесса переломилась. Отошли в область предания дореформенные суды, дореформенная дума. Железная дорога связала Одессу с Киевом. И не было уже надобности, как прежде, при поездке в Киев, во избежание столкновения с почтосодержателями и тряски на перекладных, избирать путь туда через Херсон по Днепру.

Вместе со своим перерождением Одесса, однако, потеряла и всю первобытную своеобразность. Когда поднимают вопрос о том, почему и когда старая Одесса стала иною, почему исчезла ее жизнерадостность, то ответа на это надо искать в реформах, обновивших ее строй... Как это ни кажется парадоксальным, но это так.

Не надо забывать, что в дореформенной Одессе существовало до 1857 года порто-франко, т. е. право беспошлинной продажи в черте Одессы всех привозимых из-за границы товаров. Все было дешево, и можно было легко устраивать свою жизнь с комфортом на европейский лад. Жизнь в Одессе до эпохи реформы была более замкнутой и поэтому более интимной. А с приездом сюда чиновников судебного ведомства и с наплывом, благодаря железной дороге, иногородних гостей коренные одеситы стали менее общительными. Они предоставили доминирующую роль в своих общественных делах новому пришлому элементу.

Насколько старая Одесса была настигнута врасплох реформами и как она была мало приспособлена к новой жизни — об этом можно судить по настроению одесской прессы. Единственные органы староодесской прессы "Одесский вестник" и "Journal d'Odessa" почти не реагировали ничем на совершавшиеся вокруг них события. Статьи их были по-прежнему сухими, бесстрастными, мало чуткими и неинтересными. Они с трудом разбирались в вопросах новой общественной жизни.

Большой переворот в жизни Одессы произвело введение нового Городского положения 1870 года, а газеты едва откликнулись на это. Они ограничились отчетами о заседаниях новой думы и кое-какими статьями по городскому хозяйству. Чувствовалось, что вместе с новым строем, вместе с подъемом общественности в Одессе должны были возникнуть здесь и органы общественного мнени-

ния, органы печати, в которых допущенные к самоуправлению одеситы могли бы открыто обсуждать действия своих избранников, высказывать свои обывательские нужды, разрабатывать планы нового благоустройства родного города.

Жизнь Одессы осложнилась, обогатилась. Надо было дать ей такое же отражение в прессе.

В ночь на 2-е января 1873 года уничтожен пожаром старый Городской театр. Рухнул древнегреческий фронтон театра, свидетеля первых светлых дней Одессы. Многие, многие одеситы с глубокою печалью вздохнули, глядя на разрушение их сценической святыни. В этом пожаре многие видели нечто символическое. Рухнул прежний мир. На его развалинах пусть воздвигнется другой. Но будет ли он так же мил сердцу одесита?

Разбрелась труппа русских актеров. Возникли новые театры в цирках "Эрмитаж" и Сура. Сам Николай Карлович Милославский поселился в гостинице "Франция" и оставался в ожидании возможности возобновить свою сценическую деятельность. В числе молодых людей, завсегдаев театра, окружавших Милославского, был Василий Васильевич Навроцкий.

В том же 1873 году возникла впервые в Одессе мысль об издании "Одесского листка объявлений". Если вспомнить, как скудно было поставлено тогда дело о посредничестве между спросом и предложением по торговым и обывательским нуждам, то станет понятным — почему появление впервые в Одессе даже такого малозначительного с виду органа печати, как Листок объявлений, мог произвести сенсацию. Но он находился в слабых руках, пока на него не обратил внимания В.В. Навроцкий. Еще совсем новичок в общественной жизни Одессы, Василий Васильевич уловил, однако, сразу нить ее нового направления. Сам жаждущий общения с деятелями возрождения города, избранного им, как вторая родина, он начал с самой практической стороны. Он начал с облегчения внешней общности Одессы путем распространения объявлений по всем родам ее коммерческой деятельности.

Живой, исполненный жизнедеятельности, новый редактор-издатель "Одесского листка объявлений" сразу влил в него практический смысл и ту бодрость, которая с тех пор в течение долгих лет никогда не покидала его.

Объявления, бывшие в прежней одесской

прессе робкими и тусклыми, ярко запестрели на столбцах новой газеты. Сначала она раздавалась бесплатно и вывешивалась на заборах, привлекая внимание любопытных и нуждающихся в том или ином деле, потом издатель назначил за нее небольшую плату...

Редактор был сам и составителем, и чуть ли не наборщиком своей газеты. Впрочем, Василий Васильевич не только в начале своего издания, но и во все время своего руководства "Листком" работал в нем лично, не покладая рук. Он и умер на своем посту, за редакционную работу.

Но объявления имели только практическое, коммерческое значение, а одесситы нуждались еще в другом общении между собою. Им необходима была осведомленность о деятельности города и его обывателей на всех ступенях ее общественной жизни. Одесситы нуждались в органе, в котором были бы отражение и иллюстрация ее повседневной жизни. И В.В. Навроцкий, чутко поняв эту нужду, создал в своем "Листке объявлений" хронике...

Он первый создал в Одессе тип репортера и по своему обыкновению сам же исполнял его обязанности. Наивны были первые обывательские заметки в хронике "Одесского листка объявлений", но мало-помалу они приняли более оживленный, более осмысленный и более значительный характер...

Если бы за "Одесским листком объявлений" не было бы других заслуг, как только создание газетной хроники, так и за это одно он имел бы право на признательность одесситов. Ведь эта хроника была началом широкой общественной гласности в Одессе и материалом для сознательного отношения граждан к деятельности их представителей.

В "Листке объявлений" стали появляться заметки о городском хозяйстве, о деятельности ад-

министрации, рецензии о театре, драматическом и оперном. Появились новые газетные силы, новые люди... Возникла полемика.

Жизнь Одессы росла и развивалась. В 1875 году возобновился "Новороссийский телеграф" под редакторством М.П. Озмидова. Направление его сразу определилось. Возникла борьба двух воззрений. "Одесский вестник", хотя имел такого сильного боевого сотрудника, как барон Икс, но по традиционной инертности проявлял слишком мало жизненности. Чувствовалась потребность в большей бодрости, в большей отзывчивости, и "Одесский листок объявлений" взял на себя заполнить этот пробел. Василий Васильевич набирался все большей энергии и мало-помалу поднял

свою маленькую, почти ничтожную вначале газету, на высоту влиятельного органа печати.

Все в нем находило отклики. К его голосу стали прислушиваться. Перекочевали к нему крупные сотрудники. Перешел к нему неутомимый и неугомонный С.Т. Герцо-Виноградский.

Так возникла в Одессе большая, влиятельная и приобретающая широкую известность во всей России газета, переименованная в 1880 году в "Одесский листок", 40-летний юбилей которого мы — сотрудники покойного Василия Васильевича, празднуем ныне, радуясь теперешнему ее процветанию как достойному завершению честной деятельности ее скромного начинателя.

1913

Василий Васильевич Навроцкий

Тяжело иногда писать "Старую Одессу". Тяжело, когда приходится говорить как об отошедших в прошлое о тех, кто еще так недавно жил среди нас, заражая всех вокруг себя своим вечно бодрым, вечно деятельным настроением.

— А вы бы написали что-нибудь, — говорил мне Василий Васильевич, — про начальное введение в Одессе мирового института: напомнили бы о Савиче, Великанове, Доксе, Перебиносове. Или описали бы торжественное заседание в день открытия действий одесского окружного суда: председатели Евреинов, Крыжановский, прокурор Самофалов, адвокаты Вейнберг, Пассовер. А то посвятили бы несколько фельетонов прежним городским общественным деятелям: Новосельскому, Чихачеву, Яхненко, Чижевичу, Велькорборскому. Или почему не поговорить о прежнем театре: о Милославском, Келлере, Форкатти? А Озмидов, а Пашков? А градоначальник Зеленый?

— Но, позвольте, Василий Васильевич, — нельзя же все сразу.

— Э! Зашли бы вы ко мне, я вам продиктовал

бы такие мемуары, что куда вам с вашей "Старой Одессой"!

— Зайду с удовольствием, но когда?

— В том-то и беда, что у меня никогда не бывает времени.

И Василий Васильевич прервал беседу и поторопился по своим издательским делам.

Весь пропитанный одесской жизнью, в центре всех ее общественных событий, знакомый решительно со всеми мало-мальски интересными людьми Одессы, осведомленный из первоисточника обо всех новостях, живой, отзывчивый, человеколюбивый Василий Васильевич был "ходячею Одессою". Вокруг него, на прогулке его с собакою, у Фанкони, на скамейке на Дерибасовской, на бульваре, собирались многие его друзья. Но он был очень мало говорлив и совершенно не словоохотлив. Он не любил делиться своими сведениями с отдельными лицами. У него был свой орган, свой "Одесский листок", через посредство которого он говорил со всеми одесситами сразу. Узнав какую-нибудь важную новость, Василий Васильевич берег ее в глубочайшей тайне до появления ее в его газете. И, Боже! Как он гордился и радовался, если никто раньше "Листка" не сообщал этой новости читателям.

Все знать и делиться со всеми — таков был его девиз. Василий Васильевич ничего не оставлял для себя, да и от своих сотрудников требовал, чтобы они отдавали газете все дочиста, что они имели в запасе. Ни разу за 38 лет существования при нем "Листка" он не пришел в редакцию спокойный. Всегда быстрою походкою, с целым ворохом газет, корреспонденций, газетных вырезок и присланных статей, он порывисто обходил всех сотрудни-

ков, всех двигая, всех пробуждая, всех призывая к работе на завтрашний номер и тогда только немного успокаивался, когда удостоверился, что вся редакция в движении и, как стража на посту, бодрствует.

Создав из ничего, из бесплатного листка объявлений, крупнейший на юге России орган печати и сделавшись из бедного труженика состоятельным человеком, Василий Васильевич, в основных чертах своего характера, остался до конца жизни все таким же скромным и симпатичным человеком, каким он приехал в Одессу.

Неоднократно в своей "Старой Одессе" я говорил о тех "чужаках", о тех приезжих к нам иногородних лицах, которые постепенно органически сроднялись с Одессой и отдавали ей, как второй родине, все свои силы, все свои труды. Василий Васильевич, приехавший к нам из Малороссии, был одним из наиболее ярких их представителей. Мало кто больше его любил Одессу.

Многих привлекала Одесса как центр возможного обогащения. Но В. В. искал в Одессе не богатства, а труда. Менее всего к нему подошла бы характеристика дельца. Сам проживший между дельцами и много от них пострадавший, он по натуре был совершенно не способен к аферам. Он честно повел честное дело, и развитие "Листка" было заслуженною наградою его личного неусыпного труда на благо одесситов.

Исчезла яркая, живая, жизнерадостная личность с нашего современного, довольно-таки тусклого горизонта, и обогатилась ею галерея светлых и симпатичных деятелей старой Одессы.

1912

О старом тепле и холоде

В Одессе никогда не было дров. Многие старые дома совсем не имели комнатных печей. На зиму в большие холода парадные комнаты наглухо закрывались. Все ютились в столовых и спальнях, и на кухне. В кухнях с их большими русскими печами, в которых постоянно пылал огонь или тлела зола, всегда было тепло. И хозяйка дома любила приходить на кухню, чтобы под предлогом беседы по хозяйству с прислугой хоть немножко погреть себя. В особенности любили это дети, залезавшие на лежанку кухарки и с наслаждением пропекавшие свои бока о стены печки. Очень неприятно было возвращаться потом в свою холодную постель.

К зиме и холоду старые одесситы относились как к чему-то неприятному, ненужному и преходящему. В план устройства их жизни зима не входила таким необходимым элементом, как на Севере. Вся постройка была рассчитана на несменяемое лето. Когда же наступали морозы, то одесситы очень им удивлялись, как непрошеным гостям... Сердитые, недовольные греки, итальянцы, французы закутывались в шали, халаты, надевали на себя по два, по три сюртука, стараясь спрятаться в самих себя, и так, дрожа и стуча зубами, ждали с нетерпением, чтобы вернуться в их город теплое, горячее солнце.

Казенные здания и казармы отапливались бурьяном. Его собирали с лета в целые скирды. Пустыри, заросшие сорною травой, имели в прежнее время большую ценность. А такие непроходимые чащи кустарника, как прежнее Куликово поле, в котором действительно охотились на куликов (а иногда и на волков), представляли собой неистощимый запас топлива.

Многие дома в старой Одессе были покрыты

соломой (даже первая соборная церковь во имя св. Николая имела соломенную крышу). И эта солома в трудные дни срывалась с крыши и шла на топливо, а летом заменялась свежей.

Старый одесский ветер, такой же капризный и порывистый, как его нынешнее поколение, часто срывал эти крыши, разметая солому по всему городу.

В богатых домах для обогрева спален употреблялись чаны с горящим спиртом. То же самое делалось и в театральных уборных. Публике же предоставлялось отогреть себя рукопожатиями.

У менее состоятельных жителей носили по комнатам металлические блюда с горячим песком.

Но лучшим средством против холода считалось принятие внутрь чего-нибудь горячительного. Водка водкой, чай чаем, но принималась еще и обыкновенная горячая вода с сахаром и с лимоном. Блажен, кто мог прибавить к этому рому.

На ночь пили ромашку.

С особенной заботливостью ухаживали старые одесситы за своими гостями. Не рассчитывая на комнатное тепло, они покрывали свои постели пуховиками, предварительно нагрев простыни, для чего растирали их особого вида закрытой жаровней или пучком соломы, а иногда и просто дышали на них свою внутреннюю теплоту.

Но, конечно, прежние люди были ближе друг к другу, жили теснее и теплее. Вся семья собиралась гораздо чаще у горячей лампы. Интимнее были разговоры и чтение хороших книг. Согрели себя и воспоминаниями.

Но лампы были масляные. Свечи были салные или восковые. Но свет этих ламп и свечей был так ослепителен, что для ламп придумывались особые водяные глобусы, а для свечей особые раскрашенные экранчики и абажуры. Зоркие были глаза у прежних людей.

Не забудем про камин. Они давали тепло ненадолго, но когда разгорались, то веселили тело, а когда тлели, то успокаивали душу.

Фельетон

Не знаю, почему забросили этот род писания. Ведь фельетон в газете, как цветок в степи. Усталый путник сорвет его, надышится его ароматом и пойдет бодрее вперед.

Говорят, фельетон слишком дорог для нашего времени. Это может сказать только тот, кто думает, что тяжелой поступью можно идти скорее.

Мой отец, писавший в пятидесятых годах прошлого века в одесской французской газете "Journal d'Odessa", утверждал, что слово "Feuilleton" такого же происхождения, как "Jeanneton". Как говорят: "Jeanne, Jeannette et Jeanneton", так говорят: "Feuille, Feuillette et Feuilletton". И в слове "Feuilleton" есть столь же милого, интимного и задушевного, как и в образе поэтической простушки "Jeanneton".

В фельетоне можно говорить то, чего не скажешь в передовой статье. Там надо знать, о чем говорить, здесь можно этого не знать. В фельетоне

А потом пошли комнатные синие изразцовые печи с дребезжащими дверцами и с закопченными сажей выюшками. В них было больше жизни, нежели в нынешних герметических. И какой уютный страх они навевали, когда стонали вместе с ветром!..

Были ли в старой Одессе большие морозы? О, да. Помните ли вы водовозов с фантастически обледенелыми бочками? Помните ли вы доходившее до горизонта ледяное поле моря?

Но морозы эти были наносными. Они рождались не в Одессе. Одесса считала родным только свое солнце.

1919

можно писать так, как пишется, а не так, как надо писать. Отсюда искренность и правдивость хорошего фельетона.

Я в последние дни ношу очки, но они постоянно падают с моего носа. Я никак не могу привыкнуть к ученому тону. Вот почему я попрошу у читателя позволения побеседовать с ним иногда в фельетонном стиле.

Мы так сильно состарились в последние дни! И совершенно забыли про мудрое правило, что никогда не поздно быть молодым.

Встречаю ученого, спрашиваю про его работу, машет рукою: "Какие теперь работы!". Спрашиваю писателя, жалуется, что не пишется. Интересуюсь у поэта, скоро ли выйдут в свет его новые стихотворения, он сердится и язвит: "Вы не встречались ли где-нибудь на улице с моею музою?". Спрашиваю у мыслителя — "У него, — заявляет он, — источник мыслей".

— Ну, а вы, господа философы, спириты, теософы, узнали ли вы что-нибудь новое из потустороннего мира?

— Ох, батенька, дайте очнуться от мира здешнего.

И так повсюду. Даже молодежь перестала быть молодою. И мне хочется сказать всем усталым, состарившимся раньше времени: "Скорее, скорее беритесь вновь за свои работы! Скорее, скорее воспряньте духом!". Слишком большая честь для нехороших людей, чтобы мы долго сохраняли в себе причиненное ими нам зло.

Вам, вдовам и сиротам, братьям и сестрам невинно замученных людей — что я могу сказать? Ваше горе слишком велико, чтобы можно было утешить его словами. Ни месть, ни возмездие не осушат проливаемых вами слез — одно могу вам пожелать: пусть не примешивается в вашем сердце к чувству нанесенной вам обиды чувство злобы к обидчику. Дело правосудия свершится, и понесут заслуженную кару те, кто в своем зверском иступлении перестали видеть в человеке человека. Но вам не нужно вспоминать о них. Пусть в вашу болящую душу придет милосердие. Только оно может успокоить вас и облегчить.

А вы, зрители из лож, партера и галерки, смотревшие на происходившие у нас кровавые ужасы, как на плохо разыгранную трагедию, вы, поправившиеся в своих домашних очагах, которые вы никогда раньше так не ценили, вы, вступившие в компромисс со своей совестью и устроившиеся более или менее тепло в разных мальчишески-коммунистических учреждениях, вы, съездившие от страха, как бедуны во время самума, в ожидании, что стихия успокоится, и в этом ожидании растерявшие свои чувства, свои мысли, свои творческие силы, — что вы, собственно, испытали такого, что давало бы вам право на малодушное бездействие теперь?

Любопытное явление. Я сужу по себе. Произошла катастрофа, перевернувшая всю нашу

жизнь вверх дном. Мы все перенесли величайшие тревоги, и в результате не осталось от этого и следа. Я знаю: вы мне напомните о национализации банков, о разгроме промышленности, о дороговизне хлеба, о разрухе в общественной жизни и т. д., и т. д. Но я не говорю о наших внешних потрясениях. Я думаю, что и они скоро улягутся: стоит только лучше наладить наши строительные силы. Я говорю о нашем внутреннем, душевном складе. Он остался незбылемым, как море после бури.

Кровь и грязь не липнут к душе.

И в этом лучшее подтверждение безумия свершившегося. Больше всего зла большевики причинили самим себе. Они запрудили всякой мерзостью не нашу душу, а свою. Они повергли в прах своего собственного бога. Где их лучшие лозунги? Где их заветнейшие идеалы? Они сами кровавыми руками зарыли их там, в чрезвычайке, в общую могилу.

О, да, с этой точки зрения нам надо более пожалеть их, нежели себя.

Так о чем же вам, оставшимся в живых и не причастным к творившимся ужасам, скорбеть? В особенности нет у вас основания к малодушью, унынию. Если у вас не было раньше никаких душевных сил — то чего от вас требовать? Бог с вами. Пребывайте по-прежнему в ничтожестве. Но если у вас был хоть малейший источник энергии, то скорее, скорее за работу! Из малых щелей в горах бьют великие ключи. Только не мешайте себе, и из вас пробьется и вдохновение, и творческая сила, и гражданское достоинство. И вместо ничем не оправдываемого прозябания вы посильно поможете великому делу возрождения нашей родины.

За работу же, за работу!

Я начал в фельетонном стиле, а закончил в скорбных нотах. Но и в скорби есть легкость, когда она поднимается ввысь.

II

Альфонс Карр в своих "Осах" давно рекомендовал журналистам: если надо поставить фонарь на неосвещенной улице, то пишите об этом не один раз, а каждый день, пока улица не будет освещена. Но еще до него Катон старший следовал этому правилу, ежедневно требуя в Римском сенате разрушения Карфагена.

Не по примеру ли их наши местные журналисты и поэты с такой настойчивостью добиваются закрытия всех одесских игорных притонов? Во всяком случае, их гражданское мужество заслуживает всяческой похвалы и поддержки. Так и следует поступать людям строгой нравственности. Пишите, продолжайте писать и в статьях, и в стихах, пока яд карточного разврата не будет окончательно уничтожен.

А после того возьметесь за борьбу со спекуляцией. Всю силу вашего таланта, публицистического и поэтического, употребите на то, чтобы негодяи от торговли перестали взвинчивать цены на товары в ущерб народу и голодающему населению.

Когда же вы этого достигнете, не премините обрушиться на язву фарса и кафешантана. Ведь эти веселые учреждения, хотя и не разоряют людей материально, но вконец оплошляют человеческую душу. И я не знаю, что менее вредно для нравственности: увлекаться ли карточным азартом или глупо хохотать на глупом фарсе.

Пишите, пишите ежедневно, настойчиво, не жалея своих перьев и талантов. И в результате ваших усилий я предвижу близкий день, когда в нашем милом городе не будет более ни игорных притонов, ни спекуляции, ни фарсов, ни кафешантанов. И тогда одеситы станут такими же разумными и чистыми, как бичевавшие их журналисты.

Одно меня смущает: почему вы начали свою кампанию против игорных домов с обращения

к администрации? После этого вы потребуете, пожалуй, облавы на спекулянтов или цензуры на фарсе. Я боюсь, как бы не вышло так, что наш город будет очищен от разврата не вами, собственно, а мерами полиции, и что весь ваш публицистический пафос может быть сведен к чисто обывательскому воплю о помощи: "Караул!".

Администрация может, конечно, закрыть все игорные клубы, заключить в тюрьму всех спекулянтов, а в фарсы и кафешантаны командировать для наблюдения за приличием репертуара чинов государственной стражи. Вспомните Париж и его полицию нравов. Если вы бывали в "Moulin Rouge", то не могли не обратить внимания на то, как специальные пристава тщательно осматривают "dessous" тех "Grille d'egout", "La Gluc", "Pomme d'Ari" и других особ с более или менее выразительными кличками, которые жаждут принять участие в танцевании знаменитого парижского кадрили. Этот осмотр охраняет целомудрие тех юных старичков, которые, скромно восхищаясь хореографическим искусством, могли бы быть смущены некоторыми неожиданностями при особенно рискованных пируэтах.

Если бы наша администрация сочла неудобным, во имя принципа свободы, закрывать клубы только по подозрению, что они могут впоследствии сделаться притонами, то она могла бы в каждом клубе, где производится карточная игра, учредить на счет игроков особую должность блюстителя порядка игры с правом прекращения ее азартности и с предоставлением соответствующего протокола со всеми его законными последствиями.

Но неужели наши публицисты серьезно думают, что можно одними мерами администрации уничтожить зло азарта, спекуляции и разврата? Когда Катон добивался разрушения Карфагена, он не думал, конечно, что для достижения этой цели

достаточно будет постановления сената. Он стремился поднять весь римский народ на борьбу с его злейшим врагом.

А наши притоны различного наименования — это тот же Карфаген, и никакие одесские сенаты его не разрушат, пока сами одесские граждане не пойдут против него борьбою.

Что такое администрация? Это власть, осуществляющая волю лучшей части населения данного государства или данного города. Плох тот город, в котором администрация действует самостоятельно или прислушивается только к голосу отдельных публицистов, вместо опоры на подлинную волю населения.

А что же мы, граждане Одессы, делаем, чтобы в нашем городе не было разврата? В чем, собственно, может помочь нам администрация, если мы в деле борьбы с заедающими нас язвами не идем дальше газетных статей?

Новый тип читателя

"Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты". Эту несколько переиначенную поговорку можно было применить еще недавно ко всякому посетителю книжной лавки. Но теперь появился новый тип "читателя":

— Есть у вас картины Третьяковской галереи? — спрашивает субъект невзрачного и мало интеллигентного вида.

Ему подают большие фолианты с великолепными гравюрами. Он покупает их все, не торгуясь, и тут же укладывает в большой мешок...

— А это что у вас там, на верхней полке?

— Это семнадцать томов французской энциклопедии Ларусса.

— Я их покупаю тоже, но возьму только завтра.

Все, все эти ненавистные нам развратники, игроки, спекулянты, завсегдаитаи кафешантанов и т. д. — это наш брат, наши знакомые, наши сослуживцы, наши дети и, будем откровенны, во многих случаях, это мы сами.

Вот если бы вместо кричанья "караул" мы присмотрелись бы ближе к тому, что делается у нас дома и на службе, или даже в наших, стоящих выше всяких подозрений, общественных собраниях, мы легко убедились бы, что для борьбы с развратом надо начинать не с обращения к администрации, а с обращения к себе.

Наше спасение — в здоровой общественной самодеятельности.

И если верно изречение, что те народы счастливы, которые не имеют истории, то столь же несомненно, что тот город блажен, в котором администрации нечего делать.

1919

И субъект приходит на следующий день с тачкой и забирает купленные книги, присоединив к ним еще два прекрасных географических атласа, еще одну коллекцию картин великих итальянских мастеров и роскошную Библию с рисунками Доре...

Продавец книг в восторге от клиента, спрашивает:

— Вы коллекционер?

И субъект отвечает:

— Нет, я папиросник.

Оказывается, что наиболее роскошные издания по искусству, благодаря толстым переплетам и картонной или веленовой бумаге, составляют лучший материал для гильз и поэтому стоят, на вес, гораздо дороже их художественной ценности.

Пойдем вслед за этим своеобразным "читателем" и его тачкой в его лавку. Там, за перегородкой, лежат целые груды великолепных изданий, масса журналов, большие кипы нот и книг, и между ними много библиографических редкостей.

Со всех книг сорваны переплеты, картины изрезаны на тонкие полоски, страницы, смотря по их толщине и качеству, скручены в мундштуки или гильзы. Ни одного целого листка не осталось от когда-то живой книги.

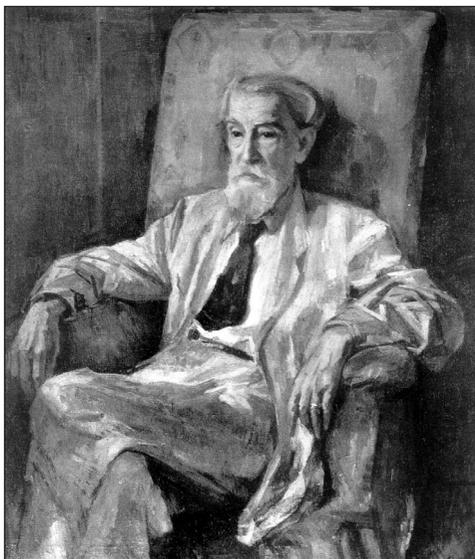
Ваше сердце обливается кровью, вы возмущаетесь совершающимся вандализмом, вы кричите:

— Варвар! Ведь ты убиваешь душу этих книг!

Но "читатель" отвечает вам:

— Зачем же вы заворачиваете душу в папиросную бумагу?

1921

АХ, ОДЕССА

Алексей СУХОРУКОВ

Как хорошо уже было 290

Александр МАРДАНЬ

Обрывки строчек 293

Илья РУДЯК

Эр рэт аф идиш 294

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол 297
